

6+

Марк Берестов

СЛУХОВОЙ КОМПАС

— Приключение начинается —

Марк Берестов

**Слуховой компас. Книга 1 серии
«Берестяnsk. Городские тайны»**

«Издательские решения»

Берестов М.

Слуховой компас. Книга 1 серии «Берестянк. Городские тайны» /
М. Берестов — «Издательские решения»,

В Берестянке обычные улицы умеют хранить необычные тайны. Ника Ласточкина, Гришка Дымов и Лёля Кустова находят странный слуховой компас — и город начинает открываться с новой стороны. Теперь друзьям предстоит понять, кому можно доверять, что скрывают старые места и почему некоторые тайны лучше слышны, чем видны. «Слуховой компас» — первая книга серии «Берестянк. Городские тайны»: детское приключение о дружбе, внимательности, смелости и городе, который оказывается гораздо живее, чем кажется.

Содержание

Глава 1. Башня, которая забыла вздохнуть	7
Глава 2. Взрослые объяснения	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Слуховой компас

Книга 1 серии «Берестянк.

Городские тайны»

Марк Берестов

© Марк Берестов, 2026

ISBN 978-5-0070-7014-0 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-7015-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слуховой компас

Книга 1 серии «Берестянк. Городские тайны»

Добро пожаловать в Берестянк

Берестянк — город, который на первый взгляд кажется самым обычным. Здесь есть старые улицы, шумные дворы, мосты, мастерские, вывески, чердаки, закоулки и взрослые, которые почти всегда куда-то спешат.

Но если остановиться, прислушаться и посмотреть внимательнее, окажется: у этого города есть свои тайны.

Они прячутся не в далёких королевствах и не за тридевять земель, а совсем рядом — в знакомых местах, мимо которых каждый день проходят люди. Иногда тайну можно увидеть. Иногда — понять. А иногда её нужно услышать.

Серия «Берестянк. Городские тайны» — это истории о дружбе, любопытстве, смелости и маленьких открытиях, после которых привычный мир уже не кажется таким простым.

В первой книге Ника, Гришка и Лёля сталкиваются с необычной загадкой, которая меняет их взгляд на родной город. Им предстоит научиться замечать то, что другие пропускают, задавать неудобные вопросы и доверять друг другу, даже когда ответ находится совсем не там, где его ждёшь.

Глава 1. Башня, которая забыла вздохнуть

В Берестянске было много вещей, которые прикидывались обычными.

Обычной прикидывалась булочная тёти Миры, хотя по средам её дверь скрипела особенно громко, будто заранее предупреждала весь город: плюшки с корицей уже готовы. Обычным прикидывался архив на улице Тихих Табличек, хотя там можно было найти программу Праздника Большого Сапога за такой древний год, что даже дядя Сеня уважительно поправлял очки. И совсем уж обычной прикидывалась старая башня на главной площади — кирпичная, круглая, с зелёной медной крышей и флюгером в виде длиннохвостой птицы.

Хотя весь Берестянский знал: без башни Праздник Первого Ветра — не праздник, а просто очень нарядный день с флажками.

Каждый год башня открывала праздник ровно в полдень. Сначала где-то у неё внутри глухо перекачивался воздух, потом в медных трубах пробежал короткий дрожащий гул, а потом сверху вылетал первый свист — длинный, тёплый, почти серебряный. После него ветер будто вспоминал, что у него в Берестянске работа, и принимался крутить вертушки, бумажных рыб, флажки, ленточные хвосты змеев и шляпу Марии Львовны, если та стояла слишком близко.

Но в это утро всё было не так.

Ника Ласточкина проснулась ещё до маминого голоса и сразу поняла: чего-то не хватает.

Она стояла у окна босиком, с бутербродом в руке, и ждала. За стеклом мокрые после ночного дождя крыши чуть блестели. На площади уже развешивали флажки. Флажки висели вяло и скучно, как бельё в комнате без окна.

Башня молчала.

— Мама, — сказала Ника, не оборачиваясь, — башня не свистела.

Мама, которая писала список для праздничной палатки с морсом и пирогами, подняла голову от стола.

— Может, проверяют механизм?

— Она тогда хотя бы клацает.

— Ника, солнце ещё толком не встало, — мягко сказала мама. — Не ищи тревогу в каждом скрипе.

Это было сказано не со зла. Мама вообще редко злилась. Но Нике от этого не стало легче. Иногда хуже всего было именно это — когда тебе отвечают спокойно, ласково и всё равно мимо.

— Это не «каждый скрип», — тихо сказала Ника. — Это башня.

— Доедай и одевайся. На площади и так все уже на ушах.

«На ушах» — это было смешное выражение. Но Нике было не смешно.

Она наспех доела бутерброд, натянула кеды и через три минуты уже сбегала по лестнице во двор.

Гришка Дымов сидел на перевернутом ящике и возился с велосипедным рулём. У него между коленями торчала «почти отвёртка» — так он называл инструмент, который по-честному был чем-то средним между отвёрткой, железкой и упрямством.

— Ты опять разобрал велосипед? — спросила Ника.

— Не разобрал, а уговариваю стать лучше, — ответил Гришка. — Пока неясно, кто кого.

У Гришки карманы всегда были набиты всем полезным сразу: проволокой, гайками, шнурком, складным ножиком, наждачкой, прищепками и вещами, которым обычно не было названия, но всегда находилось применение.

Из соседнего подъезда вышла Лёля Кустова. Она шла медленно, потому что одновременно застёгивала рюкзак, смотрела на небо и старалась не наступить в лужу, в которой отражалась трещина на стене в виде рыбы.

Лёля замечала вещи, мимо которых остальные могли пройти десять раз.

— Башня молчит, — сказала Ника.

— Я знаю, — сказала Лёля. — У нас кошка из-за этого залезла в раковину.

— Почему в раковину? — спросил Гришка.

— Она всегда так делает, когда в городе что-то не так.

— Может, ей там просто прохладно.

Лёля посмотрела на него.

— Тогда почему она унесла туда папину зубную щётку?

Гришка подумал.

— Ладно. Признаю. Тревога.

Они втроём пошли к площади.

Башня стояла посреди неё, как всегда, старая, круглая и упрямая. У основания толпились взрослые. Тётя Рая говорила в рацию сразу таким голосом, будто по ту сторону было пять разных неприятностей. Палыч стоял рядом с ящиком инструментов и терпеливо глядел на башню, но уже без удовольствия. Мария Львовна держала папку праздника так крепко, словно папка одна могла запустить ветер. Чуть в стороне Виктор Павлович старался выглядеть бодро, как человек, которого уже начали снимать на фоне проблемы.

Железную дверцу в основании башни открыли.

Изнутри пахло сыростью, старой медью и чем-то таким, от чего сразу вспоминались пустые колодцы.

— Ну? — спросил Виктор Павлович.

— Не «ну», — сказала тётя Рая. — А «почему именно сегодня».

Все замолчали.

Башня должна была хотя бы чуть-чуть гудеть. Внутри у неё всегда жила глубина: воздух гулял по трубам, железо отзывалось на перепады, где-то что-то шевелилось, поскрипывало, дышало.

Сейчас внутри было пусто.

И вдруг сверху раздался звук.

Не свист.

Не гул.

Башня будто втянула воздух внутрь себя.

Флажки дёрнулись в её сторону. Бумажный пакет прокатился по площади не от башни, а к ней. У Лёли прядь волос прилипла к щеке, хотя ветра не было.

— Она вдохнула, — шёпотом сказала Лёля.

— Башни не вдыхают, — сказал Гришка, но без уверенности.

Из дверцы вылетело облачко пыли и село тёте Рае на ботинок.

— Закрыть! — велела она.

Палыч захлопнул дверцу.

Виктор Павлович тут же шагнул к людям, которые начали собираться вокруг.

— Небольшая техническая задержка! — бодро объявил он. — Праздник проходит по плану. Берестянский не боится мелких неполадок!

— А крупных? — шёпотом спросил Гришка.

Ника не ответила. Она смотрела вверх.

Флюгер-птица стоял неподвижно, но его длинный хвост дрожал мелко-мелко, будто где-то под землёй кто-то очень тихо шептал именно ему.

— Дело серьёзное, — сказала Ника.

— Потому что башня вдохнула? — спросил Гришка.

— Потому что флюгер дрожит без ветра. И потому что это не похоже на обычную поломку.

Лёля наклонилась и подняла с мостовой мокрый листок. На его зелени проступали жилки, и три из них были странно похожи на маленькие царапины: капля, завиток и что-то вроде уха.

— Смотрите, — сказала она.

— Это просто лист, — сказал Гришка.

Но наклонился.

С башни сорвалась одна капля и упала возле Никиного кроссовка.

Тук.

Слишком громко для обычной капли.

Будто кто-то постучал изнутри города.

Ника подняла голову.

Башня молчала.

И от этого молчания площадь вдруг стала казаться гораздо больше, чем была на самом деле.

Глава 2. Взрослые объяснения

К полудню у башни поставили жёлтые стойки и красную ленту с надписью: **НЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ**. Все, конечно, подходили ровно настолько, чтобы прочесть.

Берестянк готовился к празднику с упрямством человека, который потерял один ботинок, но всё равно решил идти на бал. У киоска с мороженым развешивали бумажные облака. Школьники из третьего «Б» репетировали танец с ленточками. Возле булочной тёти Миры натягивали синюю ленту, и она время от времени сама обвивала кого-нибудь за шею.

Только башня по-прежнему молчала.

Ника, Гришка и Лёля устроились на бордюре у клумбы, откуда было видно всё: и взрослых, и башню, и старый круглый люк с надписью **ВОДЯНОЙ КРУГЪ. 1903**.

— План простой, — сказала Ника. — Спрашиваем всех по очереди, пока кто-нибудь не скажет что-нибудь полезное.

— Уже страшно, — сказал Гришка. — Обычно так начинаются великие походы в никуда. Сначала они поймали тётю Раю.

— Тётя Рая, — начала Ника, — а почему башня втянула воздух?

— Не воздух. Обратная тяга, — ответила тётя Рая, не отрываясь от планшета.

— А почему обратная тяга?

— Потому что перепад давления.

— А почему перепад давления?

Тётя Рая подняла глаза.

— Ника Ласточкина, ты собралась поступать в институт городского хозяйства?

— Нет, но...

— Тогда коротко: старое оборудование, влажность, засор, клапан, температура. Всё бывает. Мы разберёмся.

— А если не засор?

— Если там дракон, я сообщу первой. Идите гуляйте. Тут техника.

Это было сказано устало, но не зло. У тёти Раи под глазами лежали серые тени, из кармана жилетки торчал засохший бублик, а в рации кто-то всё время говорил так, будто у мира вот-вот отвалится угол. Она правда была занята.

Но Нике от этого не стало легче: понять тётю Раю было можно, а вот перестать обижаться — нет.

Палыч оказался добрее, но не полезнее.

— Водокачка старая, — сказал он, вытирая руки тряпкой. — Там всё на честном слове, медных шайбах и характере. Сейчас глянем фильтры, шибер, контур.

— А звук? — спросила Лёля.

— Девочка, если бы мне платили за звуки, я бы уже купил дачу. Мне бы вернуть давление.

— А можно я посмотрю? — оживился Гришка. — У меня есть «почти отвёртка».

— Вот именно поэтому нельзя, — сказал Палыч.

Последним они поймали Виктора Павловича.

Он как раз говорил с Марией Львовной:

— Если башня не работает, включим прошлогоднюю запись. Поставим колонки, дадим свист, немного торжественного дыма — дети не заметят.

— Дети заметят, — сказала Ника.

Виктор Павлович обернулся.

— О, юные жители. Всё под контролем.

— Башня должна сама запустить ветер, — сказала Ника. — Запись — не то.

— Конечно, не то, — ответил он. — Но праздник — это люди, настроение, пироги...

— И Первый Ветер, — тихо добавила Лёля.

— И Первый Ветер, — согласился Виктор Павлович. — Если он будет. А если нет, мы сделаем всё, чтобы всем было хорошо.

— Но башня вдохнула. И флюгер дрожит без ветра.

Виктор Павлович посмотрел на башню. Потом на флюгер. Потом на тётю Раю, которая в этот момент кричала в рацию:

— Нет, не могу вызвать специалиста из Зареченска, он уехал на рыбалку!

— Старые конструкции ведут себя странно, — мягко сказал Виктор Павлович. — Я понимаю, что вам интересно. Но, пожалуйста, не мешайте взрослым чинить.

Это было хуже, чем если бы он сказал: «Ерунда».

Когда взрослые отвечают спокойно и разумно, спорить с ними труднее всего. Они не злые. Они просто настолько заняты, что твой голос превращается для них ещё в одну лишнюю деталь.

Ника отошла от ограждения.

— Ну? — спросил Гришка. — Нас официально отправили гулять?

— Нас официально не слышали, — сказала Ника.

Лёля присела у старого люка.

— А вы заметили? — спросила она. — Когда Виктор Павлович сказал про запись, башня будто... обиделась.

— Башни не...

Изнутри башни донеслось тихое:

кхм.

Гришка замолчал.

— Ладно, — сказал он. — Некоторые башни, возможно, имеют мнение.

Ника присела рядом с люком. Между буквами на чугунной крышке были выбиты три маленьких значка: капля, завиток и ухо.

— Это не просто водопровод, — сказала она. — Это система. Старая.

— И взрослые про неё забыли? — спросила Лёля.

— Может, помнят только куски, — сказала Ника. — Как рецепт бабушкиного пирога: «не забудь положить главное». А что главное — никто уже не знает.

— У нас так с супом было, — сказал Гришка. — Папа забыл соль и назвал это диетой.

Ника провела пальцем по значку уха.

Из глубины люка едва слышно звякнуло.

Все трое замерли.

— Нам нужен кто-то, кто помнит старое, — сказала Ника.

— Бабушки у подъезда? — предложил Гришка.

— Архив, — сказала Лёля.

Ника сразу подняла голову.

— Точно.

Берестянский архив находился в бывших купеческих банях на улице Тихих Табличек. Там хранились старые схемы, фотографии, письма, планы улиц и, по слухам, карта подземных ходов, которую никому не показывали, потому что кто-то однажды пририсовал усы начальнику полиции.

— Там дядя Сеня, — сказал Гришка. — Он меня прошлой осенью выгнал за вопрос, можно ли разобрать печатную машинку.

— Ты только спросил? — спросила Ника.

— Я уже снял крышку, чтобы вопрос был конкретнее.

Ника встала.

— Значит, сегодня идём вежливо. Без разборки.

— Самые тяжёлые расследования начинаются именно так, — мрачно сказал Гришка.
Они пошли по улице Тихих Табличек, оставив позади площадь, ограждение и молчащую башню.

Ника не оборачивалась ровно десять шагов.

А потом всё-таки обернулась.

Флюгер-птица смотрел им вслед.

И его хвост дрогнул один раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.